

Угадай, кем был Стэнли Крамер

СМЕРТЬ С КОММЕНТАРИЕМ

Независимая газета. — 2001. — 24 февр. — с. 7

Сергей Кудрявцев

СМЕРТЬ на 88-м году жизни американского режиссера и продюсера Стэнли Крамера, который на самом-то деле не работал в кино уже 22 года, вызвала разноречивые отклики в США. Одни считают, что Крамер был лишь «рекламной вывеской для обнародования либеральных дел», другие склонны называть его «совестью индустрии развлечения», от которой Голливуд постарался избавиться при первом удобном случае.

Пока режиссер выступал против маккартизма, расизма, гонки ядерных вооружений, нацизма, антисемитизма, бездумного истребления животных и равнодушного отношения к детским судьбам, он оставался все-таки приемлемым для американского общества, которое было готово принять даже антибуржуазную сатиру на жадю обогатения, если она выражена в эксцентрической форме, как в самой кассовой ленте Стэнли Крамера «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир» (в пересчете на нынешний курс доллара сборы составили 235,4 млн. долл.). Но антиклерикальные выпады в картине «И спотыкается бегущий» постановщику уже не простили, хотя он всего лишь был верен самому себе, вновь отстаивая суверенное право человеческой личности выбирать собственный жизненный путь, поступать так, как это соответствует внутренним побуждениям индивидуума. Этот фильм 1979 года провалился в прокате, 66-летний (вот дьявольское число!) Крамер был вынужден уехать с семьей на семь лет в Сиэтл, а когда вернулся в Лос-Анджелес во второй половине 80-х годов, уже и по возрасту, и по складу своего «устаревшего кинематографа» был не нужен Голливуду.

Правда, он успел в 1991 году получить от Гильдии продюсеров премию имени Дэвида Селзника, а от Американского фонда исполнительского искусства — почетный приз за творческую карьеру. Но так и остался без премии «Оскар», хотя его произведения в качестве режиссера и продюсера 85 (!) раз претендовали на награду Американской киноакадемии и в 15 случаях были удостоены позолоченных статуэток в разных номинациях. Лично Стэнли Крамер только однажды на оscarовских церемониях заслужил почести, когда в 1961 году ему вручили приз имени Эрвинга Г.Талберга. И тем не менее один из родоначальников независимого продюсерского кино Америки, сделавший звездами немало актеров (допустим, Керка Дугласа в «Чемпионе», тоже дождавшегося до преклонной старости почетного «Оскара» за творчество), знаменательно был забыт в последнее время, тихо и незаметно доживая свой век в доме ветеранов в пригороде Лос-Анджелеса.

Американская киноакадемия вспомнила даже 90-летнего Элиа Казана, из-за чего разгорелся скандал, потому что не все еще могли смириться, что этот выдающийся мастер пошел на «делку» с маккартизмом в годы «охоты на ведьм». А вот Крамер в то смутное время не только давал работу опальным творцам, но и был причастен к появлению такого шедевра, как вестерн «Ровно в полдень» (1952) Фреда Циннемана, который авторитетный критик Леонард Молтин в нынешнем отклике на кончину продюсера этого фильма определил в качестве «заявления против маккартизма». Шериф, в одиночку сражающийся против всех плохих парней в городке на Диком Западе, поневоле воспринимался как человек, бросивший вызов обществу. Причем Стэнли Крамер рисковал, желая во что бы то ни стало пове-

дать «прежде всего хорошую историю», поскольку еще до выхода ленты ее сценарист Карл Формен, попавший в «черные списки», покинул США. У Киноакадемии же хватило смелости лишь на то, чтобы вознаградить Гэри Купера за главную роль, а еще три «Оскара» дать за музыку, песню и монтаж. Угадайте, кто тогда был отмечен за лучший фильм года — создатель пышных действ Сесил Блаунт Де Милль за явно не лучшую свою работу с претенциозным названием «Величайшее представление на Земле».

В каком-то смысле занимательно, что три лучшие режиссерские работы Крамера — «Не склонившие головы» (в нашем прокате — «Скованные одной цепью»), «Нюрнбергский процесс» и «Корабль глупцов», будучи выдвинутыми на соискание «Оскара» в главной категории, каждый раз проигрывали мюзиклам: соответ-

ствующим поколению (что очевиднее всего выразилось в слабой картине Р.Р.М., то есть «Революция в минуту», высмеивающей движение бунтарей Америки). Стэнли Крамер выпал тогда из кинематографического, а главное — общественного контекста США, зато знаменательно начал запоздало поощряться в СССР (два Золотых приза на московских кинофестивалях в 1971-м и 1973 годах). Хотя прежде его глубокий и человечный «Корабль глупцов» из-за «еврейской темы» вообще не был допущен до советских зрителей, в «Нюрнбергский процесс» внесены на всякий случай купюры, а антиядерный фильм «На последнем берегу» удостоился только единственного официального показа в Москве в рамках мировой киноакции.

Телерепрезентации явно несправедливыми нападки на него в Америке и почти полное заб-

запоминающиеся характеры, привлекательные с человеческой точки зрения. Поэтому у Крамера любили сниматься самые разные исполнители (чаще всего — Спенсер Трейси), и он обладал талантом открывать новичков и менять амплуа уже известных деятелей (допустим, Фреда Астера в ленте «На последнем берегу», Джина Келли в картине «Пожнешь бурю», Марлен Дитрих в «Нюрнбергском процессе», Ли Марвина в «Корабле глупцов»). Если сейчас пересмотреть крамеровские фильмы, то можно убедиться в психологически тщательной работе постановщика с актерами, а также в редком умении сотворить на экране не только слаженный ансамбль исполнителей, но и настоящий человеческий коллектив со сложными взаимоотношениями притяжения-отталкивания. Наиболее политизированная, как бы публицистическая драма «Нюрнбергский процесс», основанная на документальном материале, все равно действует как захватывающая история судеб отдельных людей. Чего уж говорить о «Корабле глупцов», где будто воспроизведена модель мира в миниатюре, когда отнюдь не двое

Стэнли Крамер — «Се человек!»

ственно «Жижи» Винсенте Миннелли, «Вестсайдской истории» Роберта Уайза и Джерома Роббинса, «Звукам музыки» — опять Уайза. И уже жестокая ирония судьбы подстергла Стэнли Крамера тогда, когда он сделал более благостную (и вновь кассовую) комедию на расовую тему — «Угадай, кто придет к обеду». Ее в 1967 году в оscarовской гонке обыграла остросоциальная детективная драма «Душной южной ночью» Нормана Джуисона, в которой тоже снимался афро-американец Сидни Пуатье, открытый именно Крамером в ленте «Не склонившие головы».

Именно в конце 60-х годов, когда начал стремительно меняться Голливуд, еще не достигший 60-летнего возраста постановщик стал казаться «дремучим консервативом», который даже в самой удачной ленте этого периода «Благослови детей и зверей» воспринимался уже как строгий ментор, «брюзжащий старикан», не способный понять молодое

вение у нас в стране. Восторжествовавшая в Соединенных Штатах политкорректность в жизни и искусстве на самом-то деле имеет мало отношение к подлинной политической и социальной свободе. Она объясняется, как правило, идеологической целесообразностью и некими придуманными правилами хорошего тона в общественной сфере. Вот для таких блюстителей показной политкорректности как раз главным является афиширование своей либеральной деятельности. А Стэнли Крамера, напротив, трудно было заподозрить в неискренности, «дежурности» посланий чуть ли не всему человечеству. Он-то делал это страстно и увлеченно, одержимо и обеспокоенно. Но прежде всего — человечно.

И не случайно исходил в своем продюсерском и режиссерском опыте в первую очередь из актерских индивидуальностей, которые могли превратить любые умозрительные схемы в живые, полнокровные образы, создать

каторжников («Не склонившие головы»), а словно все человечество в новом Ноевом ковчеге оказывается скованным по рукам и ногам, ожидая решения своей участи.

И в сильно подустаревшей картине «На последнем берегу» (кстати, она сейчас удостоилась телеремейка в США), несмотря на очевидность авторского «мессиджа», призыва вовремя остановиться и задуматься о будущем цивилизации, в конце концов убеждает не нервное выяснение отношений людей на краю бездны, а их безмолвное отчаяние, когда они видят уже вымерший, пустой, бесчеловечный мир. Точно так же и фильмы Стэнли Крамера продолжают воздействовать не на социально-политическом, идеологическом уровне, а благодаря сопереживанию конкретным человеческим судьбам.

«Се человек!» — так можно было бы написать на могиле автора «Нюрнбергского процесса» и «Корабля глупцов».